

84(2=665.1)

к

А 37

Еремей Айпин

ПТИЧКА НА ГОЛОВЕ

6+

Библиотека детской литературы
финно-угорских народов ханты и манси

Мои первые
рассказы

Художник Ксения Аврамова

Детская и юношеская книга
Москва

-0236598-

Государственная
библиотека
Югры

КО

ПРИСТАНЬ

Хорошо, когда у человека есть своя пристань. Хорошо, когда в непогоду есть куда причалить... Помню, как меня в первый раз повели на пристань. Папа поехал ставить сети, и мы с сестрой Лизой пошли его провожать. Нужно было помочь ему отнести сети, новые поплавки и грузила в берестяных одёжках-покрышках. Мне, правда, дали нести только маленькую куженьку-черпак. Мал ещё, сказали мне, свой живот до пристани дотащил бы.

Больше всех беспокоилась Мама. Помогая мне одеться, она наставляла старших:

- Смотрите, чтобы он в воду не упал!
- Будем смотреть! — отвечала сестра.
- Чтобы на мостках не оступился!
- Хорошо.
- Чтобы руки-ноги не оцарапал!
- Ладно.

Маме всё казалось, что я ещё очень маленький и на пристани мне делать нечего. Поэтому не хотела отпускать меня так далеко от дома. В общем-то, она была права: делать мне на пристани нечего. Но уж очень я просился туда. Хотелось собственными глазами взглянуть, что это такое. Как только открывалась вода, я каждый день слышал от взрослых про Осеннего Селения Пристань. Конечно же, через неё меня возили. Но я был настолько мал, что ничего не запомнил. И вот теперь загорелся желанием побыстрее взглянуть на эту таинственную пристань.

Мама всё беспокоилась, напоминала старшим:

- Чтобы комары его не искушали!

— Будем следить.

— Вы такие — за ним не уследите...

— Да куда он денется?..

Папа заметил:

— От комаров пусть уж сам отбивается... Никто его на пристань не звал. Сам напросился.

А Мама, провожая нас, переспросила сестру:

— Ты слыхала, Лиза, что я тебе сказала?

— Слыхала-слыхала, не беспокойся, Мама!

И мы взяли вещи и пошли. По светлой песчаной дорожке спустились под Гору Осеннего Селения и остановились у высокого сухостойного пня. К нему прислонены следи. Каждый выбрал следа по своему росту.

Папа — большую. Сестра Лиза — среднюю. Я — самую маленькую. И, опираясь на следи, по шатким мосткам из двух рядом уложенных брёвен-сухостоин двинулись через широкий сор — ровное болото без больших кочек и деревьев. Весной сор заливало талой водой, а когда она сходила, мы бегали сюда собирать клюкву. Сейчас впереди, оглядываясь на меня, шёл Отец. Я — за ним. А сестра Лиза — за мной. Настилы шершаво-неровные, и по ним было легко идти. Но местами талая вода приподняла их и расшатала. Поэтому раза два я оступился и намочил правый нырик.

— Вот Мама тебе задаст — придёшь домой! — проворчала сестра.

— Как бы тебе самой не попало! — пробурчал я.

— Под ноги смотри!

— А я куда смотрю, по-твоему?

— По-моему, ты, как сова, вертишь головой во все стороны!

Я-то знал: от Мама никакой нахлобучки не будет. Она высушит нырик — и все дела. Поэтому несколько не расстроился.

Кончились мостки — и мы прислонили свои следи к засохшему на корню кедру. Я потрогал его замшелый ствол.

Кора давно отвалилась и, наверное, уже сгнила. А его тело — серое и крепкое — всё ещё поблёскивало на солнце. Кедр гордо возвышался над всей округой. И мне он показался стражем вот этих мостков, клюквенного сора и ближнего леса. От старости он весь высох и замшел, но продолжал стоять на своём посту. Так живой он или мёртвый? Высох — значит, умер. Но он стоит и охраняет округу — стало быть, живой. Разве мёртвый может держать слуги и стоять на страже?!

Такие мысли пришли мне в голову, когда я прикоснулся к стволу древнего кедра.

— Пойдём, — позвал Папа.

— Он что-то бормочет, — улыбнулась сестра Лиза, оставившаяся возле меня.

— Что ты там стоишь-то? — спросил Папа.

— Кажется, со стариком кедром разговаривает, — сказала сестра Лиза.

— Пойдём, потом поговоришь, на обратном пути...

Я оставил кедр и поспешил за Папой.

Мы шли по смешанному лесу. О деревьях я уже кое-что знал. Знал, что на верхушках мягкохвойных кедров к концу лета поспеют шишки. Папа принесёт их, я поджарю плоды на костре, чтобы не стало смолы. И начну шелушить. Какие вкусные орехи! Это моё первое лакомство!.. Я поглядывал и на берёзы: не забыл ещё вкус сладкого весеннего сока. А ёлку немного недолюбливал: хвоя у неё больно колючая, до крови может уколоть. Мама говорит, что это тоже дерево нужное: белки любят еловые шишки. Раз кормит белку — пусть стоит себе, думал я про ёлку, на почтительном расстоянии обходя её ветви. А что до красноствольной сосны — так это наше «домашнее» дерево. Я смотрел на сосны как на давних знакомых.

Хвоя — для большого чёрного глухаря, шишки — для белки, ствол — на стены дома и лабаза, сучья — пища для тёплого очага. Всё в дело идёт.

Крепко пахло цветущей черёмухой и молодой листвой. Я вдыхал этот терпкий дух леса и радовался тому, что меня взяли на причал. Тут и про комаров не вспомнишь.

— На тропу смотри, — просила сестра Лиза, когда я приближался к мочажинам и корневищам на дороге. — Упадёшь ведь!

За руку она меня не могла взять: тропинка слишком узкая. Рядом была широкая оленья дорога, но по ней тоже не пройдёшь — сплошные мочажины, ступить негде.

Наконец мы поднялись на поросшую соснами гриву, и я увидел причал и Протоку Болотной Стороны. На воде лежала «солнца рука», о которой говорила мне Мама, — золотисто-серебряная дорожка. Она искрилась и переливалась — ветерок слегка рябил воду.

Пахло посоленной рыбой и смолой. Пахло нагретой древесины и сосновой хвоей. Пахло мокрыми сетями и травой.

Пахло рекой.

Вдоль берега лежали перевёрнутые вверх дном малые обласки — лодки-долблёнки из цельного ствола дерева. Так они отдыхают после плавания, говорила Мама. А на воде покачивались дощатые неводники — большие лодки из кедрового тёса, шпангоуты у них — из кедровых корней. Неводники тяжёлые, их на сушу не вытаскивают. Мне очень хотелось посидеть на лодке, покачать её на волнах, но сестра Лиза не пустила: мол, ещё в воду упаду.

Папа возился с сетями возле деревянных бочек, что стояли в тени. Я знал — в бочках солили рыбу. Когда они наполнялись, Отец на большом обласе отвозил рыбу на Аган-реку. Там, недалеко от наших Летних Домов, на Домашнем Острове, был приёмный пункт — избушка и длинный высокий склад — лабаз. Рыбу принимал добродушный Кудрявцев-старик. Его хозяйство называли просто Приёмная. Меня брали туда очень редко, хотя я часто просился — хотелось всё увидеть своими глазами.

У воды комаров больше, чем в сухом бору. И Папа выпроводил нас домой. Мы шли теперь одни. И за каждым валежником и замшелой корягой мне чудились таинственные лесные существа из сказок и легенд. Я их немного побаивался и поэтому ни на шаг не отставал от сестры Лизы. И раза два уже наступил ей на пятку.

— Куда так спешишь? — упрекнула она. — По моим пяткам всё идёшь!

Я напомнил ей старинную примету, которую слышал от Мамы: если кому-то наступил на пятку, значит, ровно через год с тем человеком по той же тропе пройдёшь. Разве это плохо, бормотал я.

— Хорошая примета, — согласилась сестра Лиза. — Но ты мне пятки оттопчешь.

Потом и вправду мы не раз ходили с ней по этой тропе. По ней, когда наступило время неводного лова рыбы, перетаскали вещи на пристань и на большой лодке поплыли на Аган-реку, где стояли наши Летние Дома, наше Летнее Селение. Там тоже было много интересного и нового. По реке проходили катера с баржами на буксире, заезжали на обласах и лодках к нам на чай путники, жители других селений. Изредка посещала нас Красная Лодка — кино показывала и говорила на непонятном языке о неведомых краях, путь в которые начинался с пристани.

Всё начиналось с пристани. Отсюда и я начал свой путь в неведомый мне мир.

Бродя по дальним тропам и дорогам, скитаясь по другим рекам и морям, в мыслях я не раз возвращался сюда...

ПТИЧКА НА ГОЛОВЕ

Я очень не любил, когда мне голову мыли. В этом мало приятного. Я начинал беспокоиться, как только заносили в дом большую куженьку — корыто из берёсты. Если меня не купали, а просто в куженьке намыливали мои волосы, то

вода всегда норовила попасть за ворот. И тут хорошего мало. А если мыло попадало в глаза, то я начинал вопить на всё наше маленькое селение. Соседи уже знали: это мне мою голову. Я изо всех сил вырывался из Маминых рук, но вырваться не удавалось.

Большая разница между сухой и мокрой головой. Это я хорошо усвоил. После мытья головы не сразу пускали погулять на улицу. С мокрыми волосами не повалеешься в песок. Не залезешь на деревце возле лабаза. Да мало ли дел, которые никак не сделаешь с мокрой головой. Вот я и старался увильнуть, когда Мама начинала греть воду для мытья. Но однажды я по доброй воле согласился вымыть голову.

Мама сказала мне:

— Роман, я вымою тебе волосы так чисто, что на твою голову птичка сядет.

— Птичка на голову?! — удивился я.

— Да-да, — повторила Мама.

— Птичка садится только на мытую голову?

— Да, только на очень чистую голову!

— Сядет ли? — всё же усомнился я.

В доме все прислушивались к нашему разговору. И тут Папа взглянул на Маму и, озорно усмехнувшись, неторопливо проговорил:

— Пожалуй, я вымою голову — пусть птички на меня садятся.

Тут и моя старшая сестра Лиза попросила:

— Мама, и мне голову помой — я тоже хочу птичку!

Чтобы моя птичка досталась другому?! Этого я, конечно, не мог допустить. Но всё же решил подороже отдать свою голову. За самую лучшую птичку, которую знал. Поэтому спросил Маму:

— Какая птичка сядет на мою голову?

— Наверное, та, что первая увидит твои чистые волосы.

— Какая именно?

— Та, что ближе всех подлетит.

— А Трясогузка?

— И Трясогузка может сесть...

И я сдался. Мама вымыла мне голову. И я не сопротивлялся, как обычно, и, на удивление соседей, не вопил на всё селение. Потом с куском чёрного хлеба, который бывает очень вкусным только на улице, меня выпустили погулять. Я чинно расхаживал возле дома и с надеждой смотрел на трясогузок. Которая из них сядет на мою голову?

Всё в этих птичках нравилось мне. И нежная сизо-белая одежда, и длинный узкий хвост, и округлое чёрное пятно под шейкой, и певучая радостная песня. Такие они чистые, праздничные, весёлые! Одними из первых они прилетали с юга и приносили весеннее тепло... Правда, иногда во мне просыпался охотничий азарт, и, вооружившись луком и стрелами, я пустился за трясогузками. Но стрелы мои всегда летели куда-то в сторону и не причиняли им никакого вреда. Я не унывал и смеялся над своей неудачей. Наверное, и трясогузки смеяться надо мной.

Мне хотелось прикоснуться к ним. Поддержать их в руках, тихонько погладить нарядное оперение. Вблизи их рассмотреть получше. Поэтому я нетерпеливо ждал и ждал того мгновения, когда одна из них опустится на мою чистую голову. Ведь эти чистюли непременно её заметят! Не должны они пролететь мимо! Так я думал, расхаживая под седыми соснами нашего селения.

А трясогузки были заняты своим делом: собирали шерстинки линяющих оленей — строили гнезда. Я видел, как они радовались весне, сутились и весело переговаривались. Искося поглядывали на меня, но сесть на мою голову не спешили. Наверное, некогда им, подумал я. И побежал домой, где с грустью пожаловался:

— Мама, они на меня не садятся!

— Погуляй ещё, подожди их! — сказала Мама.

— Может, ты плохо помыла мою макушку?

— Нет, я очень хорошо помыла тебя! — уверяла Мама.

- Так отчего же они не летят ко мне?
 - Может быть, ты с луком да со стрелами ходишь?
 - Нет, без лука и стрел.
 - Ну, иди, жди свою птичку. Да води себя хорошо...
- И я снова шёл на солнечную улицу и ждал птичку.

А потом голова незаметно высыхала, я забывал про Трясогузку и убегал поиграть к друзьям. До вечера я успевал порядком напраказничать. Что-то ломал, разбивал, проливал, протыкал. С кем-то подрался. Кому-то надерзил. И, укладывая меня спать, Мама сказала со вздохом:

- Опять нашалил... Когда ты ума наберёшься?..

После недолгого молчания она добавила, поглаживая мои волосы ласковой рукой:

- Макушка у тебя чистая. Такими чистыми должны быть и помыслы. Чистыми и добрыми. Тогда птичка обязательно сядет на твою голову...

До сего дня я думаю: высоки ли, чисты ли мои помыслы в жизни? Прилетит ли ко мне заветная птичка далёкого детства?

ГНЕЗДО ТРЯСОГУЗКИ

Весной прилётные птицы свили себе гнёзда. И вскоре самочки снесли первые яички. Как-то за завтраком Отец сказал:

- В моём гнезде уже три костяных пенчика!

Это значило — Отец нашёл гнездо с тремя яичками и наблюдал за ним. И тут выяснилось, что у всех взрослых есть на примете птичьи гнёзда. И у Мама, и у моей старшей сестры Лизы. Сестра гордо объявила:

- И у меня есть гнездо! Трясогузкино! Там четыре костяных пенчика!

Только у меня не было гнезда. И я тут же пристал к сестре:

- Покажи, покажи мне своё гнездо!

Сестра сделала строгое лицо и совсем по-взрослому сказала:

— Нет, ты ещё маленький!

— Ну и что?

— Тебе захочется прикоснуться к костяному птенчику.

— Я ж не съем его!

— А костяных птенчиков нельзя трогать руками.

— Почему нельзя?

— Если притронешься к ним — птичка-мама сразу их оставит. И они умрут... Понимаешь, Роман?

Я ничего не хотел понимать и всё канючил:

— Покажи, Лиза!

— Нет.

— Я их не буду трогать руками.

— Нет.

— Я только взгляну на них уголком глаза.

— И не проси — не покажу! — твёрдо сказала сестра. — Тебе ещё захочется поиграть с ними!..

— Не захочется...

— Ты такой шалун — ещё утатишь, пожалуй, костяного птенчика!..

У сестры, конечно, были основания не доверять мне.

Трудно со взрослыми. Что ни сделаю — всё не так!

Не видать мне, наверно, гнезда Трясогузки...

А взглянуть на костяных птенчиков очень хотелось. Но я не стал унывать. Побейстрой позавтракал и убежал на улицу. Решил сам разыскать гнездо. Любое, лишь бы там сидела птичка.

Я долго ходил за трясогузками. Они обычно гнездились под стрехами лабазов и амбаров, в развилинах деревьев, в брошенных старых куженьках и берестяных кадушках. Я следил за полётом птиц. Потихоньку подкрадывался туда, куда они садились. И стремглав бросался туда, откуда они взлетали. Мне казалось, они только тем и занимались, что летали от одного гнезда к другому. Я носился за ними, но всё впустую.

Видно, и трясогузки смотрели на меня глазами моей сестры Лизы — не доверяли мне свои гнёзда с костяными птенчиками. Возможно, они правильно делали. Я не внушал доверия...

Я всё слонялся возле дома и построек в поисках птенчиков Трясогузки. И тут заметил сестру Лизу. Она замерла у стены старой амбарушки, где хранилась всякая деревянная и берестяная утварь. А лицо у сестры было светлое и таинственно-загадочное.

Я вздрогнул: гнездо Трясогузки!

И когда сестра ушла в дом, я подкатил к стене чурочку, взобрался на неё и заглянул в замшелую кадушку-берестянку, что боком лежала на крыше. Там было гнездо Трясогузки. А в гнезде четыре яичка — продолговатые, ровненькие, с множеством мелких крапинок, похожих на веснушки на улыбчивом лице моей родовой сестры Катерины. И мне показалось, что костяные птенчики тоже улыбаются веснушками. Обрадовались моему приходу, подумал я.

Я стоял неподвижно и зачарованно смотрел на костяных птенчиков. Не мог оторвать от них взгляда. Они были такие хорошенькие, что меня так и подмывало прикоснуться к ним. Но удержался от соблазна — ещё не забыл предостережение сестры Лизы о том, что их нельзя трогать руками. Мне совсем не хотелось, чтобы птенчики Трясогузки погибли.

Стоял я, наверное, очень долго. Лишь когда птичка-мама с тревожным криком закружила над моей головой, я очнулся. И перепугался: птичка-мама так близко подлетала ко мне, что чуть за волосы не хватала, и так тревожно кричала... Я мигом скатился с чурбачка.

Свою тайну я хранил до ужина. А когда сели за стол — не выдержал, сказал сестре, что нашёл её гнездо. Сначала она испугалась за костяных птенчиков. Но я сказал, что руками их не трогал, — и она успокоилась. Теперь по утрам мы вместе бегали смотреть гнездо. К амбарушке подходили осторожно, на цыпочках, чтобы не потревожить птичку-мamu. И замирали возле гнезда — забывали обо всём на свете.

Меня захватила тайна превращения шарика-яичка в живого птенца, в забавного пуховика. И я с нетерпением ждал этого мгновения.

Между тем незаметно шло время. Весна переходила в лето. В селении появились первые комары.

И вот однажды Мама сказала:

— Скоро птенцы появятся... Они такие неуклюжие, забавные, глупые. И такие миленькие — просто слов нет!

Отец неторопливо добавил:

— Как птенцы вылетят из гнезда — комар на убыль пойдёт. Так наши древние говорили. Птенцы комаров ловят, людям помогают...

Сестра Лиза строго предупредила меня:

— Только руками их не трогай! Слышишь, Роман?! Если, конечно, хочешь птенцов дожждаться!

Сестру Лизу я слушался. Мы все её очень любили. И когда Лизу отвозили в школу в русское селение, мы с младшей сестрой Дашей в голос ревели. Плакала и Мама. После, когда не стало Мама, Лиза растила нас — меня и младших сестёр. И мы ещё сильнее привязались к ней.

А птенцов я так и не дождался.

Как-то утром сестра Лиза вбежала в дом и дрожащими губами прошептала:

— Птенчики погибли!..

Потом она повернула ко мне разгневанное лицо и тихо спросила:

— Ты, наверно, прикоснулся к ним?!

— Нет! — закричал я. — Я их не трогал!

И, не поверив сестре, помчался к амбарушке. В косом надломе скорлупы увидел красное тельце. Я почувствовал всем нутром — птенцы тусклые и холодные. Они умерли, не родившись. Может, кто-то прикоснулся к ним. Может, птичка-мама погибла вдали от гнезда и уже не могла согреть их своим теплом. А может, мы отпугнули её...

За завтраком все молчали.

Молчала Мама.

Молчал Папа.

Молчала сестра Лиза. Я видел, что она еле сдерживала слёзы.

Молчал я.

Даже младшие сёстры-несмышлёныши примолкли.

Всё делали молча.

Вдруг по лицу сестры Лизы потекли слёзы. Без всхлипа. Без сопения. Без единого звука.

Я выскочил вон.

Мне было жаль птенцов, которые теперь никогда уже не наденут нарядные свои одежды-оперения и не споют свои песни. Мне было жаль их птичку-маму. Мне было жаль самого себя. Но больше всех мне было жаль сестру Лизу. Её слёз я ещё не видел. Всё было впервые...

С того дня я никому не позволял разорять гнёзда. Чьи бы они ни были...

ВОРОНЫ МЕСЯЦ

Каждой весной мы с нетерпением ждали Ворону. А прилетала она самой первой среди перелётных птиц. С первым теплом — в начале апреля. И поэтому апрель получил имя «Вороны Месяц».

Не только наш дом, всё селение радовалось, когда кто-нибудь сообщал, что видел первую Ворону — Вурни. Весть передавалась из дома в дом, из селения в селение.

«Ворона прилетела!»

«Ворона пришла!»

«Ворона из тёплых краёв вернулась!»

Жила Ворона возле нашего селения. Перелетала с дерева на дерево. Дразнила глупых щенков. Высматривая себе пищу, ходила важно вокруг таганка в летней кухне. Заглядывала под лежащие на брёвнышке куженьки и корыта. А иногда, зацепив клювом или лапкой, ухитрялась переворачивать по-

суду. Могла при случае утащить кусок мяса или рыбы у нерасторопной хозяйки. Но даже самые привередливые старухи сквозь пальцы смотрели на все проделки Вороны.

Ворону в нашем селении любили.

Она всем напоминала хозяйку, которая после долгой зимы возвратилась домой и теперь обходила свои владения, придирчиво оглядывая — всё ли на месте, всё ли в порядке.

После обхода она важно усаживалась на коньке лабаза или амбара и подолгу молча смотрела на селение. О чём она размышляла?! Меня это очень заинтересовало, и я старался разгадать её думы. Казалось, что она в это мгновение думала не о птичьих делах, а о людских судьбах, о моих сородичах. Быть может, и обо мне думала. Ибо с таким глубокомысленным видом можно размышлять только о судьбах народов, о судьбах человечества.

Быть может, любили Ворону и за весеннее тепло. Ведь с её именем многое было связано.

И первое дыхание весны.

И первые проталины.

И первые ручьи.

И первые оленята.

И первые ростки зелени.

Всё — первое.

Наш дом особенно радовался прилёту Вороны. Мама обычно говорила:

— Вот и мы до весны дожили — Вороны дождались...

И вздыхала.

Мне тогда казалось, что, не будь Вороны, мы бы до весны не дожили. И не наступил бы Вороны Месяц, и не пришла бы весна. Но ведь Ворона не священная, а самая обыкновенная птица, каких немало в наших лесах.

Я пристал к Маме с вопросами:

— Мама, а Ворона — хорошая птица?

— Хорошая.

— А почему хорошая?

-02365¹⁷99-

Государственная
библиотека
Югры

КО

— Почему?..

Мама оторвалась от шитья, взглянула на меня, а потом перевела взгляд на моих сестёр и тихо сказала:

— Ворона... рождению человека радуется.

— А как?

— Как люди радуются, так и она...

Я ничего не понял. Поэтому, поудобнее устраиваясь возле Мама, попросил:

— Мама, расскажи про Ворону...

Мама кивнула на спавшую в покачивавшейся люльке мою младшую сестрицу Олю и начала свой рассказ:

— Ворона и приходу твоей младшей сестрёнки была очень рада...

Я молча слушал.

По обычаю ханты, говорила Мама, за всеми вещами вновь пришедшего человека — младенца — нужно строго следить. Они всегда должны находиться на самом чистом и лучшем месте и не попадать туда, где им не подобает быть. Иначе ребёнку станет плохо.

Это касается и тех предметов, которые младенцу уже не надобны.

Поэтому мокрые стружки из детских люлек ссыпали в одно место на окраине селения, в укромном уголке, под пеньком. Не под деревом, а именно под пеньком. И пенёк выбирали не высокий и не очень низкий, чтобы зимой не заносило снегом и чтобы был виден в любое время года.

Я вспомнил, что такой пенёк есть и у нас, недалеко от дома. Туда мы с сестрой Лизой относили мокрые стружки из люльки сестрицы Оли. Цап, стружки из белой обмякшей древесины высохшей на корню берёзы, насыпали в люльку под меховую подстилку. И когда стружки намокали, их тотчас выбирали в небольшую куженьку, а потом уносили к пеньку. Мама, отправляя меня со стружками, всегда наказывала вслед, чтобы я не рассыпал их по тропинке, дабы не стало плохо нашей малышке.

Стружки насыпали вокруг пенька. Кучка была ровной и островерхой, как чум. И Ворона, прилетев с юга, садилась на этот пенёк. А в холодные дни опускалась на тёплые стружки — лапки свои грела. Ведь она прилетала первой, в начале апреля, в пору, когда оттепели сменялись заморозками. Садилась на тёплые стружки и говорила:

— Побольше бы детей на Землю приходило, чтобы было мне где погреть свои лапки!

С такими словами она перелетала с одной кучки стружек на другую, громко радуясь появлению ещё одного маленького человека, второго, третьего... При этом весело и добродушно приговаривала:

— Вак-вак, вак-вак, вак-вак!..

И осенью, улетая на юг, она оставляла людям своё пожелание:

— Пока я летаю, пусть побольше младенцев на Землю придёт — будет мне где погреть свои лапки весной!

И, как водится, прощаясь, добавляла:

— Вак-вак!.. Вак-вак!..

Я, конечно, тут же заинтересовался:

— Мама, а Ворона радовалась моему приходу на Землю?

— Конечно радовалась...

— Но ведь я пришёл в самый длинный день года, когда было совсем тепло...

— Ну и что?

— Вороне не надо было греть лапки...

— Да, — согласилась Мама. — Но ты сидел в люльке осенью, когда Ворона собиралась в тёплые края, и её лапкам в ту пору было уже холодно. Ты сидел в люльке и весной, когда Ворона вернулась из тёплых краёв. И когда повалил мокрый снег, а потом ударил северный ветер и многие перелётные птицы попятились на юг — Ворона не отступила. Она знала, что ты согреешь её лапки...

Теперь, глядя на размышляющую на коньке амбара Ворону, я уверовал в то, что она думает о людях и обо мне. Разве может не думать обо мне Ворона, которую я когда-то согрел?!

А Ворона-бабушка, как бы ей трудно ни было, всё бормотала добродушно:

— Вак-вак!.. Вак-вак!..

Возможно, она, по выражению Отца, нащёптывала нам долгую жизнь, долгий век.

Жители нашего селения и селений на нашей реке почитали и никогда не обижали эту птицу: пусть она всегда живёт с добрым пожеланием маленькому народу.

И я другими глазами стал смотреть на неприметную серую Ворону, которая радуется рождению каждого человека Земли.

КИВРИ-КОЛОДЕЦ

За водой ходили под гору, к маленьким колодцам. Над ними сооружали островерхие навесы из жердей и болотного мха — домики киври, защищавшие колодцы от хвоинок и листочков, крошек сосновой коры и прочего сора. А киври — это и колодец на болоте или в низинке на окраине бора, это и прорубь на озере, откуда берётся питьевая вода.

Я охотно ходил с Мамой под гору. Воду носили в берестяных вёдрах. Мама сшила для меня маленькое ведёрко. Я смотрел, как она делала это. Кусок берёсты, награв на огне, изогнула с четырёх углов. Получилась куженька. Верхний край, приложив с внешней и внутренней стороны саргу — ленту из лыка молодой черёмухи, обшила мятым корнем кедра. Папа нашёл изогнутый дугой сучок сосны, обстрогал его, а концы просверлил сверлом. И кедровым же корнем пришил ручку к берестяной куженьке. Готово ведёрко.

— Помогай Маме, — сказал Отец. — Носи воду!

И я бежал за водой. С Мамой или сестрой Лизой. Одного меня ещё не отпускали к колодцу.

В домике киври был берестяной ковшик с деревянной ручкой. Им черпали воду. Лезть ведром в колодец строго запрещалось. Играть и резвиться вблизи тоже не разрешалось.

Единственное, что мне позволяли возле киври, — это испить воды из ковшика.

А вода необыкновенно вкусная.

Сор Осеннего Селения, или Колодезный Сор, питали неиссякающие родники.

Вечером если Отец приходил усталый, то обычно говорил:

— Свежей бы воды.

И мы с сестрой Лизой спешили к киври, чтобы напоить Отца. Иногда на обратном пути нас подзывали к себе дядя Василь или мой Крёстный отец, старец Ефрем, который вечно мастерил что-то возле своего дома.

— Дайте свежей водицы! — просили они. — Горло совсем пересохло.

Испив холодной воды, Крёстный кивал мне седой головой и говорил степенно:

— Спасибо, спасибо, крестник-сын! — И всегда добавлял своё пожелание: — Чтобы и тебе, когда доживёшь до моих лет, кто-нибудь поднёс свежей водицы!..

А было ему в ту пору около ста лет, и мне он казался таким же вечным, как наш Сосновый Бор, Протока Болотной Стороны, Гора Осеннего Селения.

Мы приносили Папе воду, и мне думалось, что она снимает усталость и приносит человеку хорошие мысли, хорошее настроение. Ведь возле киври строго запрещено браниться и говорить всякие плохие слова. Слово упадёт в колодец, и пьющий воду может проглотить его. Тогда человеку будет плохо. А разве вы пожелаете зла своему ближнему и вообще людям?

Я и сам чувствовал, как прибавляла мне силы живительная вода. Вкус её трудно передать словами. Я улавливал и запах талого снега, и сочность спелой клюквы, и аромат листочков брусники, и едва уловимый дух только что проклюнувшейся травы, и свежесть болотного мха, и смолистость кедровой и сосновой хвои, и тонкую прель прошлогодних листьев, и сок от корней многих трав и деревьев. Тут были и берёза, и черёмуха, и рябина, и шиповник, и смородина...

Это была вода, настоящая на лучших солях земли.

Это был сок таёжной земли.

Возможно, поэтому я так любил бегать за водой под гору, где были колодцы и берестяной ковшик с деревянной ручкой.

Только после, когда я объехал многие земли, многие города и сёла, испил воду многих рек и озёр, многих родников и колодцев, я понял, что подобной той — в киври под Горой Осеннего Селения — нигде больше нет. И — с годами я уверовал в это — не могло быть...

ВЕТРА СЫН

ВЛетние Дома, или в Летнее Селение, что на берегу широкого Агана, к нам часто навевался неугомонный Ветра Сын.

У него есть отец, которого уважительно зовут Ветром-Стариком. Ветер-Старик медленно и постепенно поднимался из-за леса, неторопливо и подолгу раскачивал тайгу. Неторопливо и подолгу гнал белоголовую волну по большим рекам и большим озёрам. Голос его был густым и ровным. А вот дитя его, Ветра Сын, наоборот, любил попроказничать. Налетит — и исчезнет. Налетит — и умчится, спрячется, затаится невесть где. Глядь — опять налетает. Врывался он в самые укромные закоулки. В общем, лез во все дыры.

Перед грозой, бывало, переворачивал он возле таганка котлы и берестяные вёдра. Смахивал с уличной полки куженьки и поварёшки. Из-под навеса выхватывал шкуры и лёгкую летнюю одежду. Валил на землю вместе с вешалами сети и невода на берегу. Рвал причальные канаты лодок-неводников, разбивал обласки из кедра, срывал брёвнышки с настила крыши. Такие вихри налетают, что кажется — дом, как пушинку, вот-вот в небо поднимут. Всё прощают Ветра Сыну, кроме дома. Тронул дом — добра не жди. Тут и женщины начинают ругать его в открытую. А если он не хочет уgomониться, тогда просят мужчин:

— Из ружья, что ли, выстрелите!..

Я помню, как однажды в Летнем Селении мой Крёстный отец, старец Ефрем, в сильный ветер, который уже всех допёк, вышел на улицу и выстрелил вверх из своего старого ружьишка.

Я ждал — что же будет?!

И вправду, вскоре напор ветра ослаб, а потом он и вовсе стих. Я, конечно, тут же пристал к Матери:

— Скажи, как мой Крёстный ветер остановил?

— Он Ветра Сына наказал.

— А разве его можно наказывать?

— Конечно, когда он очень шалит и не слушается людей.

— А кого он должен слушаться?

— Хозяйку дома. Она просит: «Ветра Сын, потише-потише!»

Он же будто не слышит, дует себе, подувает... Вот старые люди и наказывают его ружьём.

— А как его наказывают?

— Щёки ему простреливают, чтобы он потише дул на землю...

Я живо представил Ветра Сына: вот он сидит, а вот летает по небу и дует изо всех сил на землю и людей. Из озорства вырывает с корнем деревья в лесу, а захочет — и в людских селениях всё играючи переворошит-перевернёт. Но в летнюю жару, в самое комариное время, я тосковал по шаловливому Ветра Сыну и по его степенному отцу. Ведь тогда они единственное спасение — сдувают комаров и освежают кожу. Бывает, изо дня в день такая тишь стоит, что листочек на осине не шелохнётся. В ту пору мне казалось, что Ветер-Старик с Сыном кровно обиделись на людей и нам никогда не дожждаться свежего дуновения.

Я шёл к Матери и спрашивал:

— Ветра Сын теперь совсем перестал приходить на землю?

— Нет, он залечит свои щёки и опять начнёт дуть, — отвечала Мама.

— А скоро он залечит свои щёки?

— Скоро-скоро, — успокаивала меня Мама. — С прежней силой начнёт дуть и озорничать.

— Так он нужен сейчас... — вздыхал я, отмахиваясь от комаров.

Отец тоже, бывало, поругивал Ветра Сына. Но сколько себя помню, он ни разу не наказывал ружьём небесного разбойника. Почему, это мне до сих пор неизвестно.

Когда люди нашего рода наказывали озорного Ветра Сына, я жалел его. Наверное, нет ничего в том хорошего, если не можешь дуть и озорничать. Сиди с израненными щеками и жди, пока они заживут. Хоть и на небе, а несладко...

Но такие вещи никогда не проделывали с Громом-Стариком, что живёт в верховьях Салыма.

ЛЕСНАЯ ФЕЯ НАНИ И ВЕДЬМА ПОРНЭ

Вечером у тихого и таинственно мерцающего чувала Мама вспоминала про Нани и Порнэ. В древние-задревние времена, рассказывала Мама, на заре зарождения Человека и Жизни, заспорили между собой Нани и Порнэ. Заспорили, какой быть Земле и водам.

Нани: «Пусть будет по-моему: чтобы одна сторона реки текла вниз, а другая — вверх».

Порнэ: «Нет, быть по-моему: пусть обе стороны реки текут вниз!»

И с той поры все реки потекли в одну сторону, вниз. И воды нашего Агана в том числе.

Я прислушался к шуму медленных вод нашей реки. Хотелось представить, как воды у одного берега катятся к устью, а у другого — к верховью. Хорошо это или плохо? Я чувствовал, что, наверное, хорошо. Ведь Нани Нэ — это добрая сказочная женщина. Красивая. Скромная. Тихая. Она всегда желает людям только Добра. Стало быть, Добрая Фея хотела

сделать для людей что-то хорошее. На всякий случай я решил уточнить это — спросил у Мама:

— Что нам вверх идущая вода реки дала бы?

— Как что? — удивилась Мама. — Нам бы жизнь облегчила.

— Каким образом?

— Надо ехать вверх — переплываешь на ту сторону реки, которая течёт к верховью. Надо вниз — переезжаешь к берегу, где вода идёт к устью.

— Не надо против течения лодку бечевой тянуть, — вставляю я.

— Да, мы не мучались бы с бечевой, — подтвердила Мама.

Она-то знала — каково бечевой тянуть лодку против течения. Мы со старшей сестрой пытались помочь Маме и Папе, когда они выходили на песок с бечёвкой. Но нас хватало ненадолго. Лодку надо было разгонять, чтобы она набрала скорость. Для этого нужно довольно бойко перебирать ногами. А мы быстро отставали.

Я размышлял о Нани Нэ — Нани Женщине. Её имя означает Белый Берёзовый Гриб. Беляк. Гриб этот мне тоже нравится. Растёт на старых берёзах. В отличие от трутовика он мягкий, приятный. Иногда мой старший брат Галактион приносил домой нани-гриб. Из него обычно делали различные пробки. А в старину же, рассказывают, сушили на трут. С помощью трута и кресала добывали Огонь...

Мама строго следила, чтобы куски гриба не разбрасывали по дому, чтобы они не попадали под ноги. Мы с братом собирали крошки, мелкие ненужные кусочки, уносили их в «чистое место», за «спину» дома и там высыпали под дерево, куда не ступала нога человека.

А Нани и Порнэ всё спорят, всё решают, какой быть Земле, какими быть водам.

Нани: «Пусть будет по-моему: одна сторона реки водой течёт, другая — рыбьим жиром, звериным жиром течёт...»

Порнэ: «Нет, быть по-моему: пусть обе стороны реки водой текут!»

С тех слов Порнэ все реки потекли водой, а не рыбьим жиром, не звериным жиром. И наш Аган в том числе.

Какое добро Нани хотела сделать людям!

Чтобы все были сыты.

Чтобы всегда были сыты.

Это я понимаю, поэтому ничего не спрашиваю у Мамы.

Ах, Порнэ, что ты наделала?! Впрочем, ничего другого от неё нельзя было ожидать. Из сказок я уже знаю, что Порнэ — из рода нечистой силы, женщина из рода чертей. Бестолковая. Бестактная. Неопрятная. Словом, полная противоположность Нани Нэ. Женщин, которые всё делают шиворот-навыворот, называют Пор Нэ. Значит, Пор Женщина. Таких же мужчин иногда могут назвать Пор Ко, что значит Пор Мужик. Хотя в сказках Пор Ко не встречается, зато в жизни есть.

Мне не по нутру слова Порнэ, поэтому я спрашиваю Маму:

— Почему слова Порнэ верх берут, а слова Нани Нэ внизу остаются?

— Это чтобы мы, люди-ханты, горе мыкали...

— А зачем это?..

— Такой Горя Век наступил. И в старину, рассказывают, такое бывало. Хороший Век сменялся Веком Болезней, Войн, Большой Воды — Потопом... И сейчас такое время пришло: человек не может жить так, как он хочет. Это нельзя, то нельзя... Разве это жизнь?!

О том, что «нельзя», — я знал.

Торыму, Верховному Богу, молиться нельзя.

И нашей Аганской Богине молиться нельзя.

Домашним Богам молиться тоже нельзя.

Шаманить — нельзя.

Устраивать Медвежью Пляску-Праздник — нельзя.

Детей в дальнюю школу-интернат не отдавать нельзя.

В родовых селениях в лесу, на своих угодьях, тоже жить нельзя. В ту пору всех охотников и рыбаков тянули в посёл-

ки, на центральные усадьбы колхозов. Нарушение этих «нельзя» каралось довольно сурово. Из районного центра Сургута приезжал «С Малым Ружьём» — милиционер ли, энкавэдэшник ли, — избирал шаманов и всех других, кто с помощью Богов насылал порчу на Советскую власть и Больших Красных Людей... Вот и получалось, что наступил Век Торжества Порнэ — всё шиворот-навыворот шло...

Те, кого увозили, больше не возвращались. Воистину Страданий Век, вздыхала Мама.

— Когда же кончится этот век? — спросил я Маму.

— Когда-нибудь кончится...

— И тогда слова Нани Нэ возьмут верх?

— Да... Вернее, её дело, — уточнила Мама.

— А скоро ли придёт это время?

— Кто знает... Но после Века Горестей и Печали придёт Хороший Век — Время Нани Нэ...

— Время сказочной Нани Нэ?

— Да...

— Время Добра?

— Да, Время Добра...

В ту пору Добро представлялось мне таким же хрупким, скромным и нежным, как и лесная красавица Нани. Как и ей, нам всем несладко пришлось в Век Торжества Порнэ. И поэтому мы все жили ожиданием Времени сказочной феи Нани Нэ...

РАЗВЕИВАЮЩИЙ ЗОЛУ

Старик-Мороз надолго обложил наш дом холодами. Холода стояли неделю. Может быть, две недели. А возможно, и больше. Мне казалось, что холода стояли только вокруг нашего дома. Стояли и зорко следили, чтобы к нам оттепель не пришла. Когда они совсем надоели и стало невмоготу, Мама предложила:

— Золу огня надо развеять, оттепель попросить...

— А в нашем доме есть кому золу выносить? — живо откликнулся Отец.

— Поищем... — сказала Мама.

— Кто у нас в оттепель на Землю пришёл?

— Кто? Старшенькая, Лиза, пришла к нам в середине зимы, в самые холода...

— Да, ей нельзя. Она оттепели не дозовётся. Наоборот, могут ещё большие холода прийти.

— Средняя дочка, Даша, пришла к нам в Месяц Голых Деревьев, осень была. Но тогда ещё снег не выпал...

— Да к тому же она мала ещё — куженечку с золой до улицы не донесёт.

— Вот младшая, Оля, весной к нам пришла, снег ещё лежал. Она могла бы оттепель попросить...

— Она могла бы холод укротить, — согласился Отец.

— Вырастет — оттепель нам попросит...

Мама сидела с шитьём. За кожаный ремень, накинутый на верхнюю часть стопы, она качнула люльку со спящей моей младшей сестрой.

Отец строгал основы к новым подволокам — охотничьим лыжам, подбитым снизу шкурой. Видно, холода ему тоже порядком надоели. На охоту не пойдёшь: снег слишком «шумный», к лисе или песцу не подобрёшься. Что ни задень — всё звенит, хрустит, шумит. На рыбалку ходить тоже нет смысла: всё леденеет-замерзает на ходу. Поездки по разным делам? Оленей жалко. В сильный мороз у них дыхание «короткое». К тому же в такую погоду они очень быстро «теряют мясо», то есть тощают. Их беречь надо. Мало у нас оленей — в хорошую-то погоду на полные упряжки не хватает.

Поэтому Отец никуда не ездит, занимается домашними делами. Почти каждый день он помогает Маме заготавливать дрова. Ведь огонь в чувале у нас горит теперь с утра до вечера. Огню много «пищи» нужно.

Огонь в чувале гудел ровно и басовито. Я прислушивался к его голосу. Мне казалось, что он иногда ворчал на

Старика-Мороза: «Когда же ты отступишь от нашего дома? Вон, спина и бока у Чувала стали огненными, как у меня. Если ты не отступишь, они ведь скоро начнут осыпаться. Слышишь ли, видишь ли это, Старик-Мороз?..»

Но в открытую никто в доме не бранил Старика-Мороза. Все понимали, что середина зимы — это его время, теперь он хозяин. Ругай не ругай, а как считает нужным, так и делает.

Я молча слушал разговор Отца и Матери о золе и оттепели. Значит, есть способ, как убавить мороз, как вызвать оттепель. Только нужен человек, который смог бы это сделать. Раньше я ничего подобного не слышал. Оказывается, и с холодом, если он всем надоел, можно справиться, можно прогнать его. И я, конечно же, заинтересовался, предложил:

— Я могу развеять золу. Разве мне нельзя?

— Но ты же родился летом, в самый длинный день, — сказала Мама.

— Значит, мне нельзя?

— Золу должен развеять тот, кто родился в оттепель, — пояснила Мама.

— Только в оттепель? Только зимой?

— Желательно при снеге. Может, весной, может, осенью. Словом, оттепельный человек должен вызывать оттепель.

— А я, значит, летний?

— Летний.

— Значит, слишком тёплый?

— Да.

Я призадумался. Стало быть, если я развею золу, то станет чересчур тепло. Может быть, даже лето наступит. Но посреди зимы вряд ли лето придёт. Лето не посмеет сунуться в зиму. Тогда что же? Наступит слякотная пора? Но лучше несколько дней слякоти, чем бесконечный холод. В большой мороз меня не пускают поиграть на улице. Даже помогать Маме носить колотые дрова мне не разрешают. Говорят, двери долго открытыми держу, в дом много холода напускаю, сестёр заморожу. Так что потепления я давно жду. Поэтому сказал:

— Раз некому, может, всё-таки мне попробовать развеять золу?

— Можно, конечно, — согласился Отец.

— А если слишком станет тепло, то пусть сестра Лиза вынесет золу и попросит немного мороза, — придумал я уловку, чтобы оправдать своё желание.

— Ладно, — сказала Мама. — Будешь сегодня Развеивающим Золу, просителем оттепели.

Мама в небольшую куженьку набрала золу из топки чувала и отдала мне. Но одного меня не отпустили — вдруг куда в сугроб заваляюсь. Пошли вместе с Мамой. Она прихватила «собачий котёл», чтобы заодно покормить нашего Харко.

На улице, над нашим домом, висела удивительная тишина. Лишь скупой лучик грустного зимнего солнца тихонько звенел от холода в морозном воздухе. Да Харко, увидев нас, выскочил из конуры и загремел цепью. Как водится, он сказал «ав-вав» и лизнул меня в щёку. Потом, тряхнув белой густой шерстью, набросился на еду. Он был весел, и казалось — только ему одному все морозы нипочём. Правда, когда пришли большие холода, я предлагал забрать его домой.

Но Мама сказала: «Какой же он пёс, если с людьми начнёт жить? У него свой дом есть...» Так он и живёт всю зиму в своём домике на травяной подстилке.

А золу надо развеять на чистом месте, сказала Мама. И при этом, как и наши предки в старину, нужно говорить такие слова:

Мороз — прочь, прочь, прочь!

Я — оттепельный человек.

Оттепель — ко мне, ко мне, ко мне!

По тропе, ведущей на пастбище, я прошёл за кораль.

И там, на чистине, начал высыпать золу с громким призывом:

Мороз — прочь, прочь, прочь!

Я — оттепельный человек.

Оттепель — ко мне, ко мне, ко мне!..

Пока сыпалась зола, я всё повторял:

Мороз — прочь, прочь, прочь!

Я — оттепельный человек.

Оттепель — ко мне, ко мне, ко мне!..

Огонь нашего очага дымчатым хвостом поднимался в небо. Казалось, он согревает всю округу: и мёрзлые сосны, и звонкие снега, и дальнее болото, и высокое чистое небо. И, конечно, наш дом.

Возвращаясь с Мамой в дом, я видел, как над нашим чувалом висела белая струйка дыма, ухидившая прямо в небо. Подобно дымчатому хвосту золы, казалось, и Чувал пытается согреть весь мир, всё пространство вокруг.

Через день или два и вправду потеплело — Старик-Мороз отступил. Тогда я был уверен, что это подействовала зола нашего очага. Это она согрела всю округу. Теперь думаю, может, просто пришло время оттепели.

После, когда не стало Мамы, мы зимовали в доме дяди Василя. Там золу развеивали уже другие мои сверстники, которые были ближе к зимним оттепелям, чем я и мои сёстры. Теперь же, с годами, мне кажется, я встречаю всё меньше оттепельных людей, что, как в детстве, согревали бы мою душу, моих сородичей, людей Земли и весь окружающий нас мир...

УГЛЕГОЛОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Отец уехал в посёлок. Мы остались одни. Каждое утро, просыпаясь, я спрашивал Маму:

— Папа сегодня приедет?

— Не знаю, — отвечала Мама. — Вряд ли приедет. Ещё рано...

— Тогда я сделаю Углоголового Человека, — сказал я.

— Ну, делай, — не очень охотно разрешила Мама: ей не нравится, когда слишком часто беспокоят священный огонь чувала-очага.

— Я спрошу его только про Папу, — сказал я.
— Спроси-спроси, может, он что знает, — кивнула Мама.
— Углеголовый Человек всё должен знать, — уверил я Маму.

И я принялся делать Углеголового Человека.

А делается он так.

Я взял сосновое полено, отщипнул от него лучину. Разломил её посередине — получились две палочки. Одну отложил в сторону, а другую обстрогал со всех сторон, концы же заострил. Потом сделал пояс — стружки ровным кольцом оставил пониже «тали». На заострённую макушку насадил уголёк — это голова.

Так родился Углеголовый Человек.

Я поставил его перед огнём чувала, в песок. Теперь он стал как бы нашим домом. И от него я начал рисовать палочкой пути-дороги, ведущие во все стороны света. При этом говорил ему:

— Человек с Угольной Головой, вот это дорога вверх — туда уехал мой Папа. Вот это дорога вниз, ведёт к нижнему посёлку Аган. Там, в низовье, живёт наша старшая сестра. Вот это дорога на болото, на Окуней Черпающую Речку. Там у нас морды стоят, Папа часто привозит оттуда окуней и щук. Вот это тропа на пастбище. Там наши олени пасутся, туда они вечером уходят. Вот это Прорубная дорога к проруби на озере, оттуда мы воду привозим. Вот эта тропа к собакам. Там наш пёс Харко в собачьем домике живёт...

Вот, кажется, все тропы-дороги, что начинаются у нашего дома. О них должен знать Углеголовый Человек. И теперь я прошу его:

— Человек с Угольной Головой, свой глаз по верхней дороге пошли. Узнай, приедет ли сегодня мой Папа...

С этими словами кончиком щепочки беру огонь очага и поджигаю стружки-поясок Углеголового Человека. Пламя охватывает его с пояса до угольной головки. Сейчас он узнает, когда мой Папа вернётся домой...

Когда Отец уезжал куда-то, мы всегда ждали его с нетерпением. Особенно из посёлка. Ведь он привозил привет от старшей сестры Лизы, которую с осени забирали в школу-интернат. По ней мы очень скучали. Она присылала нам маленький кулёчек конфет, красивые цветные бумажки или кусочки фольги и другие небольшие подарки — для наших с младшими сёстрами игр. Отец расскажет, как там старшенькая живёт и учится, какие слова она просила нам передать. Слушая его, Мама обязательно всплкнёт.

Видно, она больше всех скучает по старшей дочке.

Отец привезёт всем гостинцы и разные новости.

Как люди живут, какого зверя-птицу добывают. Кто и с кем породнился. Кто недавно пришёл на нашу Землю, а кто оставил её...

А Человек с Угольной Головой вращает в пламени чёрной макушкой. Это он так шаманит, говорила Мама. Округу осматривает, глаз по всем дорогам отправляет, узнаёт, с какой стороны гость придет. Ведь когда долго не бывает гостей, я делаю Углеголового Человека, рисую на песке тропы-дороги и, поджигая его, прошу:

— Посмотри, не едет ли к нам путник-гость?

Правда, он иногда указывает на собачью тропу.

Это значит — не жди в этот день путника-гостя.

Разве что наш пёс Харко отвяжется и прибежит домой. Но это случается очень редко. И к тому же какой он гость? Он хозяин.

А шейка Углеголового Человека малиново накалилась. И он так же водит головой, как и мой Крёстный отец Ефрем, когда тот шаманит и кивает в такт бубну. Потом Углеголовый замирает. И я, затаив дыхание, замираю вместе с ним. И наконец он падает в ту сторону, куда была наклонена угольная головка.

В сторону болота, в бездорожье.

Я смотрю на останки своего пророка и молчу. Мне всё понятно, всё ясно.

Мама, сидящая с шитьём в ближнем к чувалу углу, спрашивает:

— Ну, что тебе сказал Человек с Угольной Головой?

— Он сегодня Отца не видит, — отвечаю я.

— Может, Отец ночью будет ехать и к утру следующего дня доберётся до дому, — говорит Мама, как бы успокаивая меня.

— Тогда надо сделать нового Углеголового Человека, — предложил я.

— Зачем?

— Пусть он пошлёт глаз в завтра.

— Да вряд ли он увидит завтрашний день... — засомневалась Мама.

— Не дойдёт его глаз до завтра?

— Пожалуй, не дойдёт.

— Ладно, завтра его снова спрошу про Отца, — соглашаюсь я и отдаю огню очага то, что осталось от Углеголового.

Вечером я засыпаю с мыслью, что утром сделаю нового Человека с Угольной Головой, который упадёт на дорогу, проводящую Отца в дом. Так он предскажет приезд Отца, предскажет будущее, заглянет на день вперёд. Всего только на один день. И вдохнёт в меня и в наш дом надежду...

Теперь мне жаль, что в моём доме нет чувала и нет живого огня. И мои дети не могут сделать Человека с Угольной Головой и спросить его о моём возвращении из дальних путей-дорог.

СТАРИК МЕСЯЦ

Огненно-медный лик Луны медленно выплыл из-за боровых сосен. И весенние снега, и вечерние облака, и дома, и люди — всё стало таким же огненно-пурпурным, как и восходящая Луна. Когда я впервые увидел огромный круглый лик Луны, то спросил у Мамы:

— Это кто?!

И Мама ответила:

— Это Старик Месяц.

— Откуда он на Небо попал?

— С земли, конечно.

— А как он попал туда?

— Это лучше спроси у своего Крёстного.

— А он знает?

— Конечно. Он всё знает...

— Ладно, спрошу у Крёстного.

Старик Месяц. Поражённый его живым румянцем и огненной величиной, я показал на него пальцем. Мама строго сказала мне:

— На Старика нельзя пальцем показывать.

— Почему?

— Палец этот заболит.

— Отчего заболит?

— Есть такая примета древних, — пояснила Мама и, повернувшись к Старiku, добавила: — Он не любит, когда в него пальцем тыкают... Вообще, кому это понравится?..

Строгий, видно, Старик, подумал я. Надо с ним ухо держать востро. Мне вовсе не хотелось, чтобы заболел мой указательный палец. Обеспокоенный этим, спросил у Мама, что теперь будет с моим указательным пальцем. Она сказала, что на первый раз Старик простит меня. Ведь я показал пальцем по незнанию, а не с умыслом оскорбить его. Впредь я этого не стану делать и с большим уважением буду относиться к небесному Старiku.

После этих слов Мама я совсем успокоился.

Оказывается, Старик похож на человека. Он понимает меня, соображал я. Совсем как у людей на земле. И это ещё больше утверждало меня в мысли, что всё небесное и земное — взаимосвязано, едино, цельно. Значит, и я могу жить на земле и на небе. Ведь и Месяц-Старик жил когда-то на земле. Быть может, приходится мне родственником...

Как он попал на небо?!

Это меня необыкновенно заинтересовало. И вот мой Крёстный отец, старец Ефрем, рассказал древний миф о происхождении Луны:

— В одном городе-селении жил Человек, сын Главы города. Пришло время — его женили. Но в первую же ночь он проснулся оттого, что жена выдавливала из его носа кровь. Во вторую ночь то же самое повторилось. В третью — тоже. И так из ночи в ночь. На сколько же хватит моей крови, подумал Человек. И что же меня ждёт, когда кончится моя кровь?.. Ещё какое-то время прошло. Наконец Человек сел на коня и поехал куда глаза глядят. Долго ли ехал, коротко ли — увидел город. Остановил коня возле дома, вошёл в дом. Там жила женщина. Он остался в этом доме. Жил-жил и однажды спросил женщину:

«Каков твой век?»

Женщина показала на сто железных топоров в углу дома и сказала:

«Когда затупятся лезвия у этих ста топоров — тогда мой век кончится...»

После этого Человек сел на коня и поехал дальше. Долго ли ехал, коротко ли — снова увидел город. Вошёл в дом. В доме жила женщина. Он стал жить в её доме. Жил-жил и однажды спросил женщину:

«Каков твой век?»

Женщина показала на триста железных топоров в углу дома и сказала:

«Когда износятся лезвия этих трёхсот топоров — тогда моему веку придёт конец...»

Услышав это, Человек сел на коня и поехал дальше. Долго ли ехал, коротко ли — увидел дом. Привязал коня, вошёл в дом. В доме его встретила обликом на Солнце похожая, на Луну похожая Женщина. Она столик ему поставила, накормила-напоила его. Тут Человека потянуло на сон. Прилёг на бок и тотчас же уснул. Проснувшись, он вспомнил про коня: ведь его нужно накормить и напоить. Солнечная Женщина, Лунная

Женщина вывела Человека из дома. Но там, где он привязал своего коня, увидел лишь иструхлевшие копыта и иструхлевший череп.

«Где же мой конь?» — спросил он Женщину.

«Это всё, что осталось от твоего коня», — ответила она.

«Сколько же я спал — сто ли, тысячу ли лет и зим?..»

«Это уж сам определи...» — сказала Женщина.

Куда же я теперь без коня, подумал он. И вслед за Женщиной вернулся в дом. И зажил в доме. Много ли, мало ли времени уткло — и вот его с неодолимой силой потянуло в отчий дом. Женщина поняла его с полуслова. Они вышли из дома. И она пошла за дом — и, подведя к нему нового коня, сказала:

«Не знаю, сумеешь ли живым вернуться... Не знаю, сумеешь ли здоровым вернуться...»

«Да хочется след отца-матери разыскать...»

«Не знаю, сумеешь ли сохранить своё дыхание... Не знаю, сумеешь ли сберечь своё дыхание...»

«Да всё же поеду...»

«Коль поедешь — что же, езжай...»

И Солнечная Женщина привязала к хвосту его коня мешочек с золой, а на все четыре ноги надела свернувшуюся свитком берёсту. И Человек сел на коня и поехал. Долго ли, коротко ли ехал — и наконец начал узнавать знакомые места. Но, оказывается, он так долго ездил, что город, где жили его отец и мать, уже давно сровнялся с землёй, а земля заросла травой-деревьями. Только на месте отчего дома возвышался небольшой бугорок. Человек слез с коня и стал ковырять носком этот бугорок. И неожиданно оттуда выскочила первая жена — та, что выдавливала кровь из его носа. С криком «Дорогой мой муженёк, иди ко мне!» — кинулась к нему. Он же вскочил на коня и поскакал в сторону своего последнего дома, к Солнечной Женщине. Но женщина из потустороннего мира не отставала от всадника. Она с криком и воем неслась за ним по пятам. И когда он скакал по тому месту, где

стоял в прошлом другой город, который тоже уже сровнялся с землёй, из бугорка бывшего дома выскочила вторая женщина — та, чей век длился сто топоров. Теперь обе женщины с воплями мчались за всадником, звали его к себе. Затем из бугорка на месте своего дома выскочила третья женщина — та, чей век длился триста топоров. И теперь три женщины из потустороннего мира неслись за ним. И хотя он гнал коня изо всех сил и конь летел галопом, но женщины всё равно настигали его и уже тянули руки к коню. Одна схватила конский хвост — но в её руке остался мешочек с золой. Другая схватила коня за правую ногу — да в руке оказался свиток из берёсты. Третья хватя коня за левую ногу — опять в руке берёста. Так и хватали берёсту. Тут показался родной дом. И Человек послал вперёд мысль: «Милая моя, спасай меня!» И Солнечная Женщина уловила его мысль и выскочила на улицу, схватила Человека за правую руку и ногу. Но он не успел соскочить с коня, потому что с другой стороны схватили его за руку и ногу преследовательницы. И начали женщины тянуть его в разные стороны. Никто не хотел уступать. Тянули-тянули и наконец разорвали Человека посередине. Три женщины со своей половиной тут же с радостным визгом, хохотом и воем ринулись прочь. И сгнулись бесследно.

А Солнечная Женщина занесла свою половину Человека в дом, скатала из того, что ей досталось, маленького ребёнка, посадила его в люльку и стала качать, лелеять, растить. Ребёнок рос, вырастал, взрослел. Но взрослым пробыл всего трое суток. Затем начал убывать и вскоре превратился в неразумного младенца. Она снова принялась качать его, лелеять, растить. И он снова оставался взрослым только трое суток. Затем всё началось сначала. Она качала его, лелеяла, растила днём и ночью. И наконец от усталости уже не могла поднять руки. И тогда она сказала:

«Если бы мне досталась твоя половина с сердцем, я бы сделала из тебя Человека. Но мне досталась половина без сердца — и я ничего не могу поделать...»

Она скатала шарик из того, что ей досталось, и вышла на улицу. И со словами: «Я не смогла... Так пусть тебя Небо растит и лелеет!» — бросила шарик вверх.

И шарик этот стал Луной. Сначала он растёт, затем трое суток остаётся взрослым, а после начинает убывать. И так из месяца в месяц, из года в год, из столетия в столетие. И люди из уважения называли его Стариком Месяцем, а он по ночам стал освещать Землю своим изумительным светом.

А Солнечная Женщина, по версии древних, не захотела жить на Земле без любимого Человека. Она ушла в Небо и стала Солнцем.

Мне было до слёз жаль Человека из сказки. И, чтобы не разреветься, я долго молчал. А после потребовал у взрослых ответа:

— Почему ей досталась половина без сердца? Скажите!..

Взрослые переглянулись между собой, помолчали, потом объяснили:

— Если бы ей досталась половина с сердцем, то не было бы сказки.

— И не было бы Луны. Понимаешь?!

Но я ничего не хотел понимать. Мне не нужна была сказка. Мне нужен был живой Человек, который жил бы рядом со мной на земле. И пас бы оленей, ходил на охоту, ловил рыбу. А взрослые этого не допускали...

Я много думал о Человеке пострадавшем. И однажды понял, что женщины из мифа — это силы добра и зла. Эти силы непременно должны были столкнуться и, столкнувшись, разорвали Человека пополам. А впоследствии я понял и то, что в каждом человеке есть два начала — светлое и тёмное. С годами одно из них берёт верх, и оставшуюся часть жизни человек живёт либо на свету, либо во тьме, и все его дела и помыслы идут уже по определённом руслу. Размышляя об этом, я всё чаще думаю: кому достанется моё сердце? Светлomu ли, тёмному ли началу?..

СЛОВАРИК

ВЁШАЛА — сооружения из столбов или жердей с поперечными перекладинами для развешивания и сушки чего-либо, обычно снопов, сетей, рыбы и т. п. (с. 24).

КОРА́ЛЬ — загон для оленей (с. 34).

КРАСНАЯ ЛОДКА — кочевые (передвижные) учреждения культуры, создаваемые в СССР на Крайнем Севере в период 1930–50-х годов для просвещения коренных народностей. Летом передвигались на лодках, зимой на оленьих упряжках (с. 7).

МО́РДА — рыболовная снасть, сплетённая из тонких сосновых прутьев мятым кедровым корнем (с. 37).

МОЧАЖИ́НА — топкое место; лужица между кочками и корнями деревьев (с. 6).

НЭ — в переводе с сургутского диалекта хантыйского языка: женщина (с. 29).

СЛЕГА́ — посох-жердинка для перехода через болота или трясины (с. 4).

СОР — здесь: ровное и чистое болото без кочек и деревьев. Так же в пору весеннего половодья называется заливной луг в пойме Иртыша и Оби (с. 4).

ЧУВА́Л — вид камина из жердей, обмазанных глиной, для обогрева жилища и приготовления пищи (с. 27).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИСТАНЬ	3
ПТИЧКА НА ГОЛОВЕ	7
ГНЕЗДО ТРЯСОГУЗКИ	11
ВОРОНЫ МЕСЯЦ	16
КИВРИ-КОЛОДЕЦ	21
ВЕТРА СЫН	24
ЛЕСНАЯ ФЕЯ НАНИ И ВЕДЬМА ПОРНЭ	27
РАЗВЕИВАЮЩИЙ ЗОЛУ	30
УГЛЕГОЛОВЫЙ ЧЕЛОВЕК	36
СТАРИК МЕСЯЦ	40
Словарик	47

УДК 821.511.142-32-93
ББК 84(2=665.1)6-44
А37

6+

Айпин, Еремей Данилович.

А37 Птичка на голове : мои первые рассказы / Еремей Айпин ; худож. Ксения Аврамова. — Москва : Детская и юношеская книга, 2024. — 48 с. : цв. ил. — (Библиотека детской литературы финно-угорских народов ханты и манси).

ISBN 978-5-00219-135-2

Еремей Айпин — известный хантыйский и российский писатель. Родился 27 июня 1948 года в семье потомственного охотника-ханты. Окончил Ханты-Мансийское педагогическое училище, а затем Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей СССР. Кандидат политических наук. Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа.

Жизнь и творчество Еремей Айпин посвятил сохранению истории и культуры своего народа. Великолепный мастер слова, он сумел вернуть хантам их предания, обычаи, верования, язык.

В книгу «Птичка на голове» вошло десять избранных рассказов автора. Они позволяют читателю не только проникнуться духовными ценностями маленького народа, но и задуматься над тем, насколько хрупок и уязвим мир природы.

Для младшего школьного возраста.

УДК 821.511.142-32-93
ББК 84(2=665.1)6-44

Книга издана при финансовой поддержке депутата Думы
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры А. М. Осадчука.

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

Айпин Еремей Данилович

ПТИЧКА НА ГОЛОВЕ

Мои первые рассказы

Художник **Ксения Аврамова**

Дизайн обложки **Юлии Кремс**

Выпускающий редактор **Екатерина Баканова**

Художественный редактор **Елена Мазанова**

Подписано в печать 30.05.2024. Формат 70 × 90^{1/16}. Печать офсетная.
Печ. л. 3,0. Тираж 500 экз. Заказ А-1960.

ООО «Издательство «Детская и юношеская книга»
115035, город Москва, Вн. тер.г. Муниципальный округ Замоскворечье,
наб. Овчинниковская, д. 6, стр. 3, этаж 2, ком. 3.
Контакты: +7 (495) 246-00-07, +7 (495) 246-00-06 (редакция)
По вопросам приобретения книг обращайтесь по тел.: +7 (495) 246-00-05
zakaz@book-team.ru; book-team.ru

Отпечатано в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идеал-Пресс».
420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

Страна-изготовитель: Россия. Дата изготовления: июнь 2024 г.
Изготовитель: ООО «Издательство «Детская и юношеская книга»

ISBN 978-5-00219-135-2 © БУ «Государственная библиотека Югры», издание, 2024
© Айпин Е. Д., 2024
© Аврамова К. Б., иллюстрации, 2024
© ООО «Издательство «Детская и юношеская книга», 2024

EAC

600,00

011892025

Государственная библиотека Югры

Эти рассказы я начал писать со дня своего рождения. Так мне казалось. Но, возможно, они зародились задолго до моего появления на свет. Ведь их писали моя Мама и мой Отец, моя Бабушка и мой дед Роман, мой Крёстный отец, старец Ефрем, и мой прадед Иван. К рождению моей книги причастны мои Братья и Сестры, Реки и Озёра, Бору и Урманы, Звери и Птицы, Деревья и Травы. И разумеется, Боги и Богини Земли и Неба.

Я пишу книгу о жизненных основах моего рода, благодаря которым он дожил до XXI века. Не следует всё понимать буквально. Но в том, что касается истины и жизни народа, я до конца старался быть искренним и правдивым.

Когда я написал первые рассказы и опубликовал их, то увидел, сколь многое упустил, сколь многое не рассказал о моей Земле, о моём народе ханты. Понял, что книга — сейчас она как младенец — требует роста. И будет расти, не даст мне покоя.

Когда я её закончу и, вообще, закончу ли когда-нибудь — не знаю. Возможно, что продолжать и заканчивать её придётся другому моему сородичу.

А на сегодня вот вам десять рассказов о моём народе, дорогой читатель...

Еремей Айпин,
автор

6+

9 785002 191352 >

ВСЕ
КНИГИ
ЗДЕСЬ!